

306/III

Спеціальний номеръ „О ВЗЯТКЪ“.

ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. На ст. жел. д. 20 коп. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 35

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915
27 АВГУСТА.

Ды сказки мнѣ,
Сколько тебѣ
Салтыковъ-Щедринъ.

Ты и я Взятокъ.

Пришли и славословимъ покорненько
Тебя, дорогая взятка,
Всѣ здѣсь, отъ младшаго дворника
До того, кто въ золото затканъ.

Всѣхъ, кто за нашей десницей
Посмѣеть съ укоромъ глаза вестъ,
Мы такъ, какъ имъ и не снится,
Накажемъ мерзавцевъ за зависть.

Чтобъ больше не смѣла вздыматься хула,
Надѣнемъ мундиры и медали
И, выдвинувъ впередъ убѣдительный кулакъ,
Спросимъ: «А это видали?»

Если сверху смотрѣть — разинешь ротъ,
И взиграетъ отъ радости каждая мышца:
Россия — сверху прямо какъ огородъ,
Вся наливается, цвѣтетъ и пышится.

А развѣ видано гдѣ-нибудь, чтобъ стояла коза
И лѣзть въ огородъ козѣ лѣнь?
Было бы время, я бъ доказалъ,
Которыя — коза и зелень.

И нечего доказывать, — идите и берите.
Умолкнетъ газетная нечисть въѣдь.
Какъ барановъ, надо стричь и брить ихъ.
Чего стѣсняться въ своемъ отечествѣ?! **В.**

ТЕХНИКА ВЗЯТКИ.

... И взять, и дать надо умѣючи. Безъ толку и опытно-сти рѣдко выходить изъ этого что-нибудь путное. Можно тянуть не по чину, можно по неразумію не добрать, можно по жадности — перебрать, — потомъ и сокрушайся, или расхлебывай.

Сумѣть взять во всевозможнѣйшихъ случаяхъ жизни несравненно легче, чѣмъ сумѣть дать. Вотъ вамъ примѣръ: симбирскій купецъ П., будучи по дѣламъ на вокзалѣ, вынулъ демонстративно серебряный рубль и, поманивъ имъ нѣкоего чина, приказалъ сдѣлать то-то и то-то. Когда же нѣкій чинъ, совершивъ все на него возложенное и высунувъ отъ усталости языкъ, корыстолюбиво воззрелся на купцовъ серебряный рубль, — купецъ положилъ этотъ рубль въ карманъ и уѣхалъ.

Вотъ тоже одинъ діаконъ на экзаменѣ въ епархіальномъ училищѣ, куда онъ тщился пристроить дочь свою Евфалію, — выложилъ на красное сукно стола кадку груздей малосольныхъ, банку меду и помятую трешку съ совершенно нетактичнымъ директивомъ: «денежный даръ сей — начальницѣ; натурою же — инымъ властемъ предрержачимъ дома сего»... Публичное приношеніе погубило все хорошо начатое дѣло: дочь Евфалію срѣзали нарочито на дательномъ падежѣ, а даянія: медъ, грузди и трешку ни за что, ни про что присвоилъ себѣ отецъ экономя.

Діаконъ и вышеприведенный купецъ не сумѣли дать. А вотъ начальникъ крупной желѣзнодорожной станціи С. на моей памяти не сумѣлъ взять. Шли въ Питеръ откуда-то туши говядины, дрова, яблоки, іодъ, касторка, мѣдь и вообще проза жизни. На станціи начальникъ С. заявилъ, что линія занята воинскими поѣздами. Три дня стояли вагоны съ мясомъ, касторкой и іодомъ, пока не подошелъ къ ихъ провозатому дѣловой человѣкъ Катцъ и не взялъ у прозожа-

таго сотни рублей. Этотъ Катцъ пошептался съ начальникомъ, показалъ для чего-то ему сотню рублей, — и поѣздъ черезъ полчаса пошелъ полнымъ ходомъ.

А начальникъ С. долго смотрѣлъ ему вслѣдъ и переводилъ растерянный взглядъ на рублевку, что сунулъ ему опытный человѣкъ Катцъ...

Бросая ретроспективный взглядъ на исторію взятки, — невольно втыкаешься этимъ взглядомъ въ учрежденіе, называемое консисторіей.

Это Академія взяточниковъ, Сорбонна взяточниковъ... Ни одинъ чинъ любого вѣдомства никогда, ни за что, никакъ не сумѣлъ бы взять такъ, какъ въ консисторіи.

Швейцарь, копистъ, старшій копистъ, младшій столоначальникъ, секретарь — вотъ гении взяточной науки.

— Надо ждать... — говоритъ тамъ каждый просителю и надо быть крѣпкоголовымъ, какъ дубовый столъ, чтобы не понять, что «надо ждать» пишется и выговаривается такъ:

— «Надо жъ дать»...

Передъ консисторскими скрибами всѣ остальные — щенки, въ родѣ тѣхъ, которыми бралъ гоголевскій Тяпкинъ-Ляпкинъ...

Брать и давать надо умѣючи... Но какъ?... Авторъ трактата не въ состояніи на предоставленномъ ему маленькомъ пространствѣ журнала детально разработать этотъ интересный и злободневный вопросъ — и рѣшается дать только пару другую «иллюстрацій»...

— Итакъ, завтра будетъ замѣтка о томъ, что у меня украли на сто тысячъ брилліантовъ?..

— Очаровательная, — да. Тысячу разъ «да»...
— Ну, получайте... Цѣлуйте же и вы, противный...
Это въ уборной опереточной дивы.

— Слушай, Шельминъ-Задунайскій, — требуй еще бар-
заку или коньяку. Я тебѣ закатилъ рецензію, — Сара Бер-
наръ отъ зависти лопнетъ...

— Знаешь, Моисей, что я тебѣ скажу: выбирай одно изъ
двухъ, — пей пиво... Самъ написалъ, что я игралъ инту-
итивно, а тоже коньяку. Обругалъ, опозорилъ, на всю Европу
осрамилъ, а тоже... коньяку...

Это въ рестораціи «Дунай» послѣ «Убіиства Коверлей».

— Петенька, — мы съ мамой твоей сейчасъ объ одномъ
дѣлѣ поговоримъ... Насчетъ гимназіи... Понимаешь,
важное дѣло... И кромѣ того — тебѣ будетъ очень скуч-
но, — на вотъ тебѣ, Петечка, сорокъ копеекъ, ступай въ
«Паризиану». Тамъ сегодня «Братья Карамазовы» — коми-
ческая... Иди, Петечка, — 1,500 метровъ... Пальто-то
не надѣвай, — всего сегодня 15 градусовъ мороза... Бѣги!..
Монопольная... 2,000 метровъ...

Понятное дѣло, — гдѣ... Не на волжскомъ же паро-
ходѣ...

— Ваша божественная красота, Пелагея Семенна, изсу-
шила мое ретивое сердце, и я теперь, словно Вѣчный Жидъ,
по безвоздушному пространству скитаюсь. Чувствую въ
груди моей вопль — и вотъ принеси вамъ мадепаламу на
фартучекъ и муслину на кофточку... 28 копеекъ аршинъ...
Безъ запросу. Это я не тому, конечно, чтобы, какъ оно
говорится, а вообще, и даже какъ бы между прочимъ...

— Примите, графиня, маленькій даръ отъ меня для сиротъ
вашихъ... Какъ говорится, отъ щедротъ... Но чтобы про-
между насъ было, безъ квитанцій и излишней молвы... А
ужъ подрядъ на шапочки и пальтеца для сиротокъ, графи-
нюшка, пушай за мной останется... А квитанціи, графи-
нюшка, не надо... Три тыщи дѣло маленькое...

Редактору.

Дорогой Аркадій Тимоѳеевичъ. Посылаю Вамъ, какъ ре-
дактору любимого мною журнала (фактъ, что онъ лучше
«Simplicissimus'a»!!), бутылку мадеры (досталъ черезъ
дѣльнаго человѣка) и пару куропатокъ, которыхъ самъ
убилъ на охотѣ по 80 коп. за штуку. Между прочимъ, при-
лагаю небольшой набросокъ «Техника взятки». Навѣрное
подойдетъ... Вашъ...

Евгеній Вѣнскій.

ИСПРАВНИЧІЙ ДВОРЪ.

(Сценка.)

ГУСЬ

(обращаясь къ важно шествующему по двору Индѣйскому Пѣ-
туху).

Надулся! Пыжится! Мнѣ видѣть это гадко!
Послушай, ты, чудакъ:
Чего гордишься такъ?
Вѣдь, какъ и всѣ мы тутъ, ходячая ты взятка!
Къ чему же этотъ пылъ?
Тебя исправникъ не купилъ!
Подумаешь, какой здѣсь экземпляръ ты рѣдкій!
Тебя приволокли къ исправнику въ салфеткѣ,
За пазухой, какъ, грѣшныхъ, насъ!
И нечего кичиться, да-съ!..

ИНДѢЙСКІЙ ПѢТУХЪ (гордо).

Величья моего нѣтъ въ васъ, увы, и тѣни,
И съ вами мой не одинаковъ путь:
Къ исправнику меня принеси не «кто-нибудь», —
Курьеръ богоугодныхъ заведеній!

УТКИ (хоромъ).

Вотъ невидаль! Нѣтъ, съ нами прожилъ годъ —
И въ супъ попалъ на прошлой лишь недѣлѣ —
Пѣтухъ простой; такъ тотъ
Былъ шишка въ самомъ дѣлѣ:
Принеси его
Исправника старинный почитатель —
Домовъ публичныхъ содержатель!
А, каково?..

СТАРАЯ КУРИЦА.

А года два назадъ свинья здѣсь проживала, —
Кичилась мало,
Натуру проявивъ свою...
А кто исправнику презентовалъ свинью?
Трактирщикъ Карпъ Лукичъ, въ селѣ богачъ извѣстный
И человѣкъ отмѣнно честный!

БОРЗЫЕ ЩЕНКИ (всѣ вмѣстѣ).

А насъ
Сюда принеси цырюльничъ Опанасъ,
Тотъ самый, кто въ своемъ «салонѣ»
«Квасъ» продаетъ безъ церемоній...

ИНДѢЙКА.

Вы хвалите себя, меня же душить смѣхъ!
На семь дворѣ я — чище всѣхъ:
Меня купилъ исправникъ въ лавкѣ!

ЧЕРТА ОСѢДЛОСТИ, УБИВАЮЩАЯ ВЗЯТКУ.

(Всѣмъ паспортистамъ посвящаю.)

Рис. А. Р.

Оный рисунокъ пояснять не буду, ибо русскій обыватель его не пойметъ, а еврей пойметъ и безъ объясненій.

ГУСИ И КУРЫ (возмущенно).

Не вѣрьте, господа, надменной вы мерзавкѣ!
 Не лучше насъ она!
 Исправникъ нашъ не такъ наивенъ:
 Ей три рубля цѣна,
 Исправникъ же купилъ ее за восемь гривенъ!

УТКИ

(грозно напирая на Индѣйку).
 Напрасно спесью ты полна!
 Ну, что за гнусная повадка!..

ИНДѢЙКА

(все еще не сдаваясь).

Я — птица честная...
 (Всѣ хоромъ, набрасываясь на нее).

Нѣтъ, ты, — какъ всѣ мы, — взятка!..
 (Исправничій дворъ наполняется отчаяннымъ гоготаньемъ гусей, кудахтаньемъ куръ, кряканьемъ утокъ, лаемъ борзыхъ щенковъ... Летятъ перья... На крыльцо выбѣгаетъ, въ одномъ исподнемъ бѣльѣ, исправникъ, котораго пробудили отъ мирнаго, послѣобѣденнаго сна домашнія птицы и животныя, и обливаютъ ихъ изъ ведра помоями...)

Мих. Пустынинъ.

ЧУДО-ВЫСТРѢЛЪ.

I.

Батумскій полицеймейстеръ Пришельцевъ, бывший до этого главою Екатеринославскаго сыскаго отдѣленія, въ этотъ день чувствовалъ себя особенно скверно. Дѣло въ томъ, что на письменномъ столѣ его лежала маленькая-маленькая бумажка, сулившая ему большія-большія неприятности.

Бумажка была изъ Екатеринослава, и, чернымъ по бѣлому, на ней значилось:

«Не будетъ ли онъ, Пришельцевъ, столь любезенъ и не озаботится ли онъ представленіемъ въ кратчайшій срокъ всѣхъ оправдательныхъ документовъ по расходамъ и содержанію отдѣленія?»

Пришельцевъ радъ быть любезнымъ. Радъ озаботиться, но... но... о, это проклятое «но»!

II.

По Черному морю, между тѣмъ, какъ это говорится, «на всѣхъ парусахъ» неся германо-турецкій крейсеръ «Гебенъ».

У праваго борта, около пушки, стояло два офицера: турокъ и нѣмецъ.

— Да, братъ мой турокъ, — говорилъ нѣмецъ, — клянусь Аллахомъ, наши артиллеристы не чета вашимъ!

— О! — возмущенно протянулъ его собесѣдникъ, — это ужъ слишкомъ!

— Ничего не слишкомъ! Да вотъ, смотри: видишь тамъ, въ туманѣ, мерцаютъ огни?

— Ну, вижу.

— Это — Батумъ. Видишь бѣлый домъ съ зеленой крышей?

— Вижу.

— Это — полиція. За столомъ полицеймейстерскаго кабинета сидитъ Пришельцевъ, перебирая оправдательные документы... Пари на 100 фунтовъ, что мои артиллеристы выбьютъ у него изъ рукъ эти документы?!

— Не тронувъ его?

— Не тронувъ его.

— Принято!

Грянулъ выстрѣлъ...

III.

...Первое, что сдѣлалъ Пришельцевъ, придя въ себя, это — оцупалъ голову. Цѣла! Руки — невредимы! Ноги — не повреждены!! Буйная радость охватила его, но... сейчасъ же смѣнилась горестнымъ уныніемъ.

Чортъ возьми, документы были уничтожены!

IV.

Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, что Екатеринославское сыскаго отдѣленіе, по словамъ «Кавказскаго

Слова», въ отвѣтъ на свое требованіе присылки оправдательныхъ документовъ, получило отъ полицеймейстера Пришельцева лишь нижеслѣдующую депешу:

«Требуемые документы уничтожены однимъ изъ снарядовъ «Гебена».»

Ничего удивительнаго!

Наоборотъ!

В. Князевъ.

ВНИМАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНІЕ КЪ ВЗЯТОЧНИКАМЪ.

Неужели и о взяткахъ писать поэтамъ?!
 Дорогіе, намъ некогда. Нельзя такъ.
 Вы, которые — взяточники, хотя бы поэтому,
 Не надо, не берите взятокъ!

Я, выколачивающій изъ строчекъ штаны, —
 Конечно, какъ начинающій, не очень часто,
 Я — еще и російскій гражданинъ,
 Беззавѣтно чтущій и чиновника, и участокъ.

Прихожу и выплакиваю всѣ мои просьбы,
 Принижши щекою къ свѣтлому кителю.
 Думаетъ чиновникъ: «Эхъ, удалось бы,
 Этакъ на двѣсти птичку вытелю».

Сколько разъ подъ сѣнь чиновъ никъ,
 Приносилъ обиды имъ,
 «Эхъ, удалось бы, — думаетъ чиновникъ, —
 Этакъ на триста бабочку выдоимъ».

Я знаю: надо и двѣсти, и триста вамъ,
 Возьмутъ, все равно, не тѣ, такъ эти;
 И руганью ни одного не обижу пристава:
 Вѣдь, можетъ быть, у пристава дѣти.

Но вѣдь лишній трудъ — доить поодиночно,
 Вы и такъ въ работѣ ведете года!
 Вотъ что я выдумалъ для васъ нарочно:

Господа!

Взломайте шкапы, сундуки и ларчики,
 Берите и деньги, и драгоценности мамашины,
 Чтобъ послѣдній мальчонка, въ потненкомъ кулачекѣ,
 Зажалъ сбереженный рубль бумажный.

Костюмы соберите. Чтобъ не было рваныхъ!
 Мамаша, вытряхивайтесь изъ шубы бѣличьей.
 У старыхъ брюкъ обшарьте карманы:
 Въ карманахъ копеекъ на сорокъ мелочи.

Все это узлами уложимъ и свяжемъ,
 А сами, безъ денегъ и платья,
 Придемъ, поклонимся и скажемъ:
 Натѣ!

Что намъ деньги, транжирамъ и мотамъ!
 Мы даже не знаемъ — куда намъ дѣтъ ихъ!
 Берите, милые! Чего тамъ!
 Вы наши отцы, а мы ваши дѣти.

Отъ холода не попадая зубомъ на зубъ,
 Станемъ голые подъ голыя небеса.
 Берите, милые! Но только сразу!
 Чтобъ объ этомъ больше никогда не писать!

В. Маяковскій.

Рис. Миссъ.

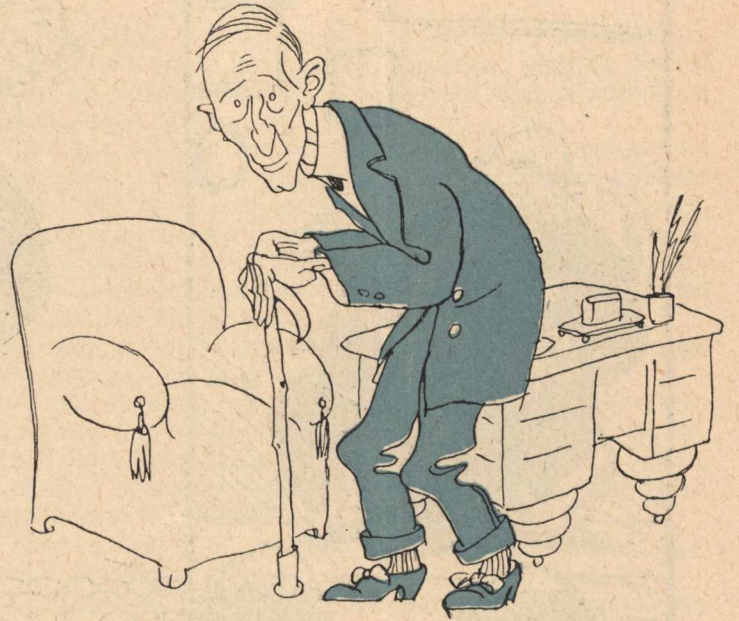
РАЗВЪ ЭТО ВЗЯТКА?

(Опытъ реабилитаціи взяточниковъ.)

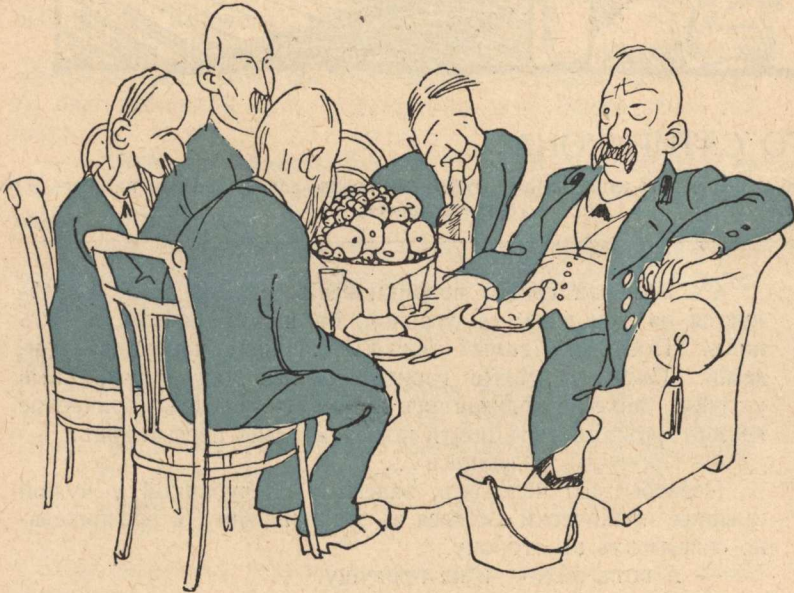
Рис. А. Юнгера.

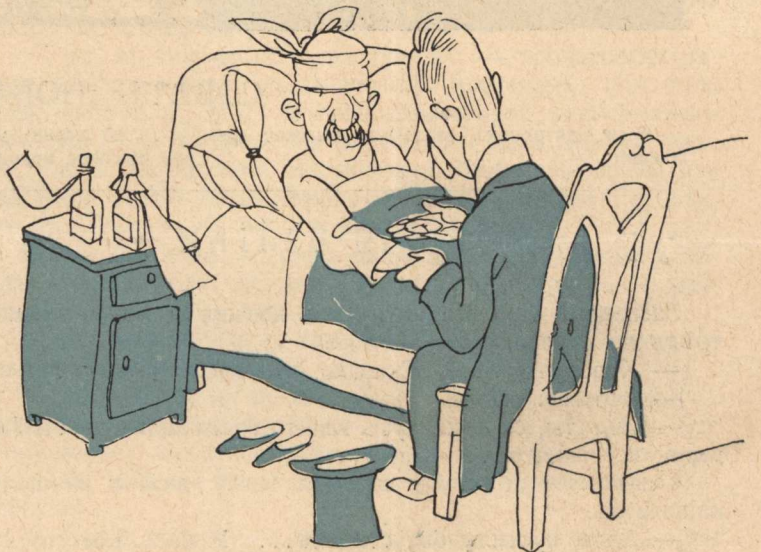
Развѣ это взятка, когда къ начальнику приходитъ хорошенькая жена подчиненнаго просить за мужа?.. —

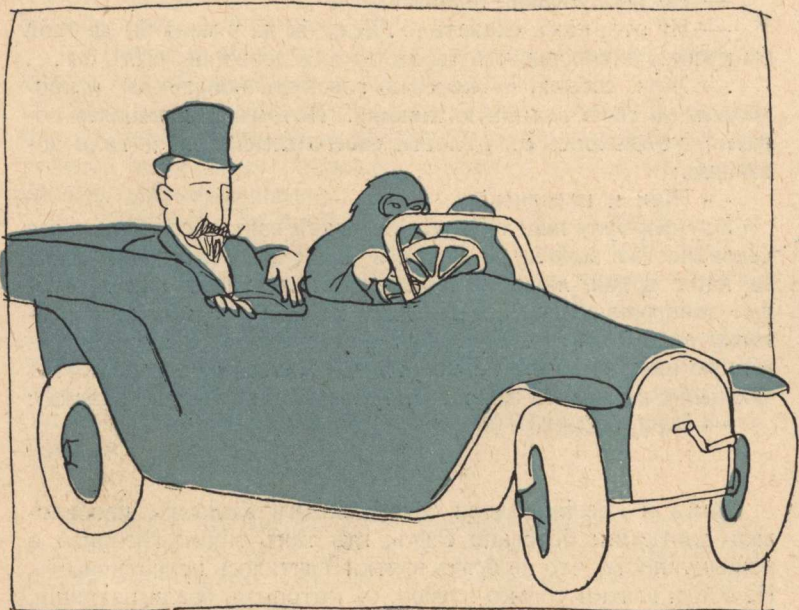
Развѣ можно назвать взяткой приобретенную сухотку спинного мозга?

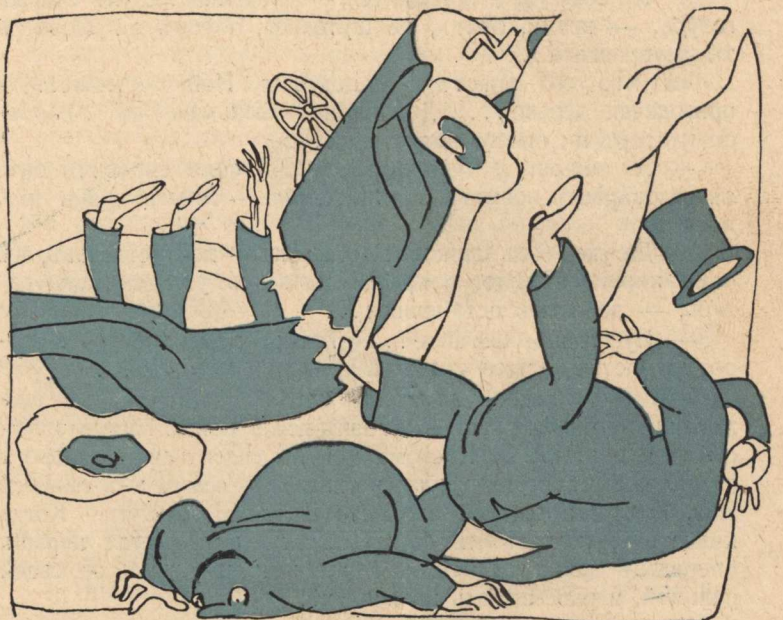
Развѣ это взятка — роскошный ужинъ въ шикарномъ ресторанѣ? —

...Результатъ какого ужина — головная боль и тошнота? Развѣ бываетъ головная боль взяткой?!

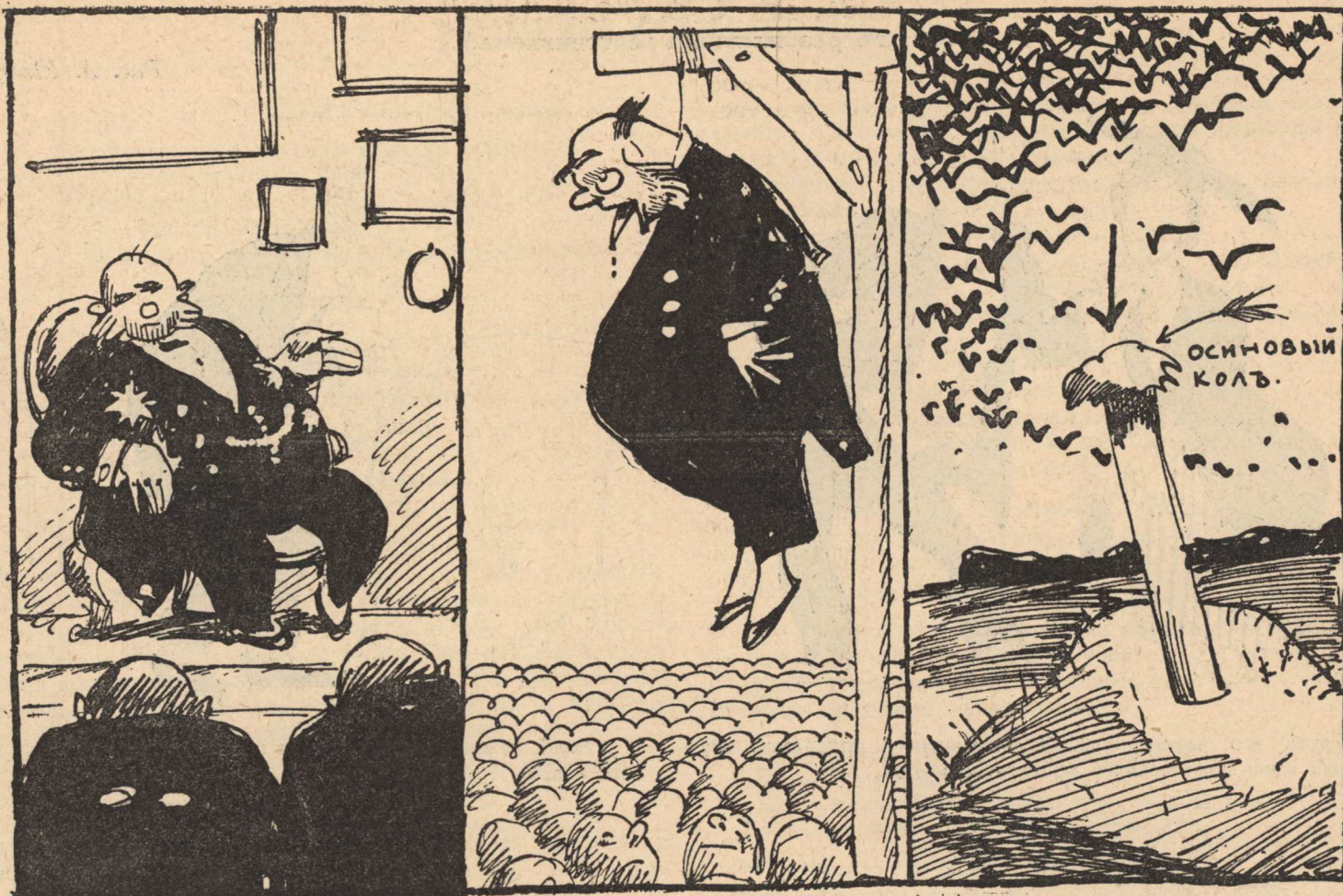

Развѣ взятка — поднесенный подрядчикомъ автомобиль? —

Развѣ можно считать взяткой травматическое поврежденіе рукъ, ногъ и головы при крутомъ виражѣ автомобиля?..

Полноте, господа! Да гдѣ же это и когда же это — сухотка, головная боль и увѣчье считались взяткой?!

СОВѢТЪ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

Если взяточникъ занимаетъ высокое по-
ложеніе, —

... то нужно, чтобы онъ занялъ еще бо-
лѣе высокое положеніе...

Но ни въ коемъ случаѣ нельзя на немъ
ставить крестъ.

ИСТОРИЯ ВЗЯТКИ.

Заспанный Ной выглянулъ изъ ковчега и хмуро посмо-
трѣлъ по сторонамъ.

— Кто тутъ еще? Сказано, что мѣстовъ нѣтъ...

— Это мы: голуби.

— Ишь ты, сколько тутъ вашего брата шляется... Го-
ворю: все занято...

Самый старый голубь почесалъ ногой шею и виновато
кашлянулъ.

— А то пустилъ бы, старикъ... У насъ кое-что съ
собой есть... Почитай что полпальмы съ корнемъ вы-
вернули...

— Дурья ты голова, а еще голубь, — усмѣхнулся Ной, —
что я съ твоей пальмой дѣлать буду!... Тоже нашель...

— А, можетъ, и пригодится, — загадочно кинулъ старый
голубь, — время, братъ, не шуточное, потопъ на дворѣ, а
ты гнушаешься...

«А кто его знаетъ, — подумалъ Ной, — можетъ, и
пригодится дерево... Дорога не маленькая, до Арарат-
скихъ горъ ни одного полустанка...»

— А пальма у тебя хорошая? — сухо спросилъ онъ,
съ недовѣріемъ поглядывая на голубя. — Многіе дрянъ при-
носятъ.

— Да ужъ будь спокоенъ, старина, — почувствовавъ, къ
чему клонится дѣло, покровительственно уже сказалъ го-
лубь, — доволенъ останешься...

— Ну, ладно, шагайте... Только тише вы, черти ко-
роткохвостые, всѣхъ чистыхъ у меня перебудите...

Это было первое появленіе взятки. Невѣдомая и еще
хрупкая, она приютилась въ уголкѣ между семью парами нечи-
стыхъ и поплыла въ Ноевомъ ковчегѣ спастись. Въ дорогѣ
за ней незамѣтно для другихъ ухаживалъ одинъ изъ сыновей
Ноя, котораго близкіе запросто называли Хамомъ. Когда
ковчегъ подходилъ къ берегу, взятка выпрыгнула первой,
опередивъ даже голубей, которые хотѣли ударить со своей
пальмой, и разсыпалась въ воздухѣ.

Успѣла только Хаму шепнуть:

— Ничего, братъ, Хамъ... Не робѣй. И дѣтей твоихъ
и правнуковъ изъ бѣды выручу... Свои люди — сочтемся...

Съ момента своего возникновенія взятка сразу раздѣ-
ляется на три вида: съ угрозой, съ напоминаніемъ и безъ
нихъ. Послѣдній, самый тяжелый, принялъ характеръ эпи-
деміи. Съѣдалъ цѣлые государственные организмы, какъ
устрицы, даже не поливая ихъ лимономъ. Въ доисторическое
время свирѣпствовали почти исключительно первый видъ.

— Пропусти, голубчикъ...

Первобытный человѣкъ, залегшій съ дубинкой у чужой
хижины, иронически смѣялся въ лицо хозяину, и презритель-
но сплевывалъ въ сторону.

— А вотъ захочу и не пропущу.

— Меня же тамъ дѣти же ждутъ...

— А, можетъ, я твоихъ свинѣнковъ дубиной по черепамъ...

— Ну, жена осталась...

— Жена... Тоже оправданіе... Жену можно за голову
и о камень.

— Не пропустишь, значить?

— Ну это, какъ сказать... Если бы да у меня бы да твой
бы кусокъ антилопы, что ты въ рукахъ держишь, былъ бы...

— Жри, собака, — коротко говорилъ избираемый и про-
ходилъ въ свою законную хижину. Потомъ возвращался об-
ратно, убѣдившись въ цѣлости своего семейства, и тихо до-
бавлялъ:

— Жри и подавись!

Эту формулу перехода при передачѣ взятки сохранило все
человѣчество вплоть до нашихъ дней включительно. Даже
въ наше время, лишь по нѣкоторымъ деталямъ напоминаю-
щее доисторическое, при передачѣ крупныхъ суммъ на благо-
творительныя цѣли кому-нибудь изъ имѣющихъ административную
власть, многіе не могутъ удержаться и, проводивъ пе-
чальнымъ взглядомъ взявшаго, тупо шепчутъ въ пространство:

— Жри, собака.

* * *

Римъ и Греція, говоря официальнымъ языкомъ, изобило-
вали взятками; особенно Римъ, гдѣ такъ много говорили о
неподкупности, что не брать взятки считалось неприличнымъ.
Не брали взятки только плебеи, съ которыхъ брали патриции.
Античная взятка носила подобающій ей античный харак-
теръ.

На судѣ, напримѣръ, римлянинъ передъ произнесеніемъ
обвинительнаго приговора, для него же приготовленнаго, кра-
сиво выступалъ впередъ и гордо распаивалъ плащъ, подъ

которымъ оказывался привязанный къ поясу живой поросенокъ, сильно мѣшавшій своимъ неспокойнымъ характеромъ тишинѣ судопроизводства.

— Это что? — спрашивалъ судья, прекрасно понимая въ чемъ дѣло. — Кажется, поросенокъ? Дай.

— На, — гордо говорилъ римлянинъ. — Пусть эта свинья да будетъ тѣмъ даромъ, который...

Писецъ судьи античнымъ взмахомъ руки подсовывалъ античный приговоръ и антично опускалъ въ карманъ тоги нѣсколько сестерцій оправданнаго, который уходилъ домой, громко повторяя передъ каждымъ встрѣчнымъ:

— Въ Римѣ еще есть судьи!

И только дойдя до дому, уныло прибавлялъ:

— Лучше бы ихъ не было! Это большой ущербъ для домашняго хозяйства.

Греческая взятка носила почти тотъ же характеръ. Первоначально къ ней приучили сами боги, требуя то мясныхъ, то вегетарианскихъ, то денежныхъ жертвоприношеній. Собственно говоря, сами боги, которые жили на полномъ пансіонѣ на Олимпѣ и нуждались только въ карманныхъ деньгахъ, много не требовали, но ихъ дѣлопроизводители, называвшіеся главными жрецами, требовали въ жертву отъ бѣдныхъ грековъ все, начиная отъ скверныхъ букетовъ и кончая цѣлыми фермами съ дорогой молочной скотиной.

— Діана требуетъ отъ тебя корову, — официально обращался такой жрецъ къ простоватому греку, зашедшему въ храмъ просто изъ-за дороговизны человѣческой медицинской помощи, — тогда и твоя болѣзнь пройдетъ.

— Ко-о-орову? — удивлялся грекъ, — это за простой чирей на шеѣ, и корову?

— Зато, братъ, какъ рукой сниметъ, — поддерживалъ жрецъ интересы своей довѣрительницы, — у насъ, братъ, масса благодарностей есть. Кухмистеръ изъ Эфеса намъ пишетъ...

— Нѣтъ. Не выгодно. Корову за чирей... Статочное ли это дѣло?! А если у меня лихорадка будетъ, ты бабушку живую потребуешь...

— Иди къ другимъ богамъ, — сердился жрецъ, — у Зевса дешевле... Они тебѣ за дохлую собаку цѣлую чахотку пообѣщаютъ выгнать...

— Да мнѣ что идти... Мнѣ бы такъ подешевле гдѣ. Хочешь, я теленка приведу?

— Мое дѣло маленькое. Богиня требуетъ, не я...

— А что твоя богиня съ моей коровой дѣлать будетъ? Тоже... Богиня, подумаешь... Да такую богиню сандаліей по ро...

— Ну, веди, веди теленка... Грекъ несчастный...

— Давно бы такъ... А то — богиня, богиня...

* * *

Средневѣковье лелѣяло второй видъ взятки — съ напомианіемъ.

— Напомни твоему господину, — говорилъ какой-нибудь рыцарь, слѣзая у придорожнаго замка, — что если его замокъ подпалитъ съ восточной стороны, это будетъ весело.

— Можетъ еще что-нибудь напомнить? — вѣжливо спрашивалъ привычный сторожъ, вынимая кусокъ пергамента и гусиное перо. — Я запишу.

— Напомни еще, что у рыцаря шевалье Риккарда де-Кардамона пустой желудокъ и пустой карманъ.

Слуга возвращался черезъ десять минутъ, неся на вертелѣ кусокъ жаренаго барана и мѣшочекъ, снизу наполненный для тяжести желѣзными опилками, а сверху прикрытый десяткомъ потертыхъ монетъ.

— Признаетъ ли твой хозяинъ, что нѣтъ женщины красивѣе, чѣмъ прекрасная Марія Пиччикато дель Гравіо ди Субмарина ля Костанья?.. Впрочемъ, это не важно. Дай-ка сюда мясо. И деньги давай. А вина нѣтъ? Ну, не надо.

Вассалы брали взятки пачками, съ цѣлыхъ деревень. Иногда деньгами, иногда натурой. До сихъ поръ еще не забыто, такъ называемое, *jus primaе noctis* — право первой ночи, которое вассалы рассматривали какъ свадебный подарокъ новобрачнымъ.

* * *

Въ Россіи первую взятку потребовалъ Ярила. Это былъ простой, незатѣйливый чурбанъ, которому наши прародители мазали при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ медомъ деревянные губы. Ярила былъ отъ этого липкій и сладкій. По ночамъ жрецы собирались цѣлой толпой и, отгоняя другъ друга, облизывали его до утра.

Мазали славяне очень нехорошо. Старались иногда незамѣтно помазать смолой, если поблизости не было ярильныхъ служащихъ.

— Чортъ тебя знаетъ, — сердились славяне, — полфунта сотового на тебя вымазалъ, а хоть бы что... Такъ и издохла корова...

Но мазать, изъ-за боязни осложнений съ деревяннымъ скандалистомъ, было необходимо. Особенно усердно мазали конокрады, потому что безъ Ярилинѣ помощи нельзя было украть самой подержанной кобылицы.

Съ тѣхъ поръ и осталось выраженіе: «нужно смазать».

Въ эпоху великихъ князей смазывали особенно усиленно воеводъ. Это были люди веселаго и неуживчиваго характера, съ такимъ широкимъ размахомъ и неизсякаемымъ интересомъ къ чужому имуществу, что население вѣранныхъ имъ городовъ, въ послѣдній разъ выразивъ свои лойяльныя чувства, само выходило на большую дорогу и начинало грабить.

Воевода съ утра начиналъ обходить свой городъ, пытливо присматриваясь къ быту своихъ подчиненныхъ.

— Ай, Ивашка, другъ, — останавливалъ онъ богатаго горожанина, — ты здѣсь шляешься... А за что, по что ты, собачій сынъ, еще издали мнѣ не кланялся, животомъ своимъ не подмелъ земли, свою шапочку распоганую не ломалъ ты, кошачій сынъ?!

Ивашка, будучи отъ природы человѣкомъ не глупымъ, приступалъ прямо къ дѣлу:

— Не гнѣвись, ты, свѣтъ-воеводушка... Ты прими отъ меня, сына блуднаго, эту курочку, эту уточку, да яичекъ еще три десятка...

Воевода внимательно выслушивалъ это и ставилъ резолюцію:

— А и взять въ тюрьму надо этого пса поганого, пса зловреднаго... Къ чорту уточекъ, къ чорту курочекъ, да яички — ко всѣмъ чертямъ... Ты гони-ка сюда намъ коровушку, да лошадушку, да...

— Ну, въ тюрьму, такъ въ тюрьму, — прозаически рѣшалъ Ивашка и шелъ къ заплечнымъ мастерамъ. Это были люди профессіи, еще не подвѣдомственной ремесленнымъ управамъ. Съ Ивашкой они обращались такъ неосторожно, что, уходя изъ тюрьмы, онъ забывалъ тамъ три пальца или одно ухо. Послѣ этого Ивашка надѣвалъ кумачевую рубаху, затыкалъ топоръ за поясъ и рѣзалъ купцовъ.

Когда Ивашкины потомки стали ходить въ приказы писать жалобы, дѣло обстояло уже на болѣе правильной расцѣнкѣ услугъ.

— Прошенище-ба, — говорилъ Ивашка-внукъ писцу, — землю у меня пооттягали.

— Тебѣ какъ: на алтынъ или на курицу написать-то? — дѣловито спрашивалъ писецъ, — можетъ, гусь есть — и на эту птицу можно. Особенно, ежели жирная она, птица-то твоя...

— Да мнѣ бы такъ ужъ... Чтобы отдали-то... Землицу-то...

— Чтобы отдали? — удивлялся дякъ или писецъ, — ты вотъ что хочешь... Это, братъ, коровой пахнетъ...

Ивашка-внукъ думалъ, раза четыре бѣгалъ совѣтоваться съ близкими людьми, искалъ писца побѣднѣе и, наконецъ, приходилъ рѣшительный и тароватый.

— Пиши, чортъ старый, на пару съ санками... Такъ, чтобы духъ изъ нихъ вышибло, сразу чтобы отдали...

Когда дѣло попадало въ судъ, Ивашкиному благосостоянію наступалъ конецъ. Его, какъ гражданскаго истца, конечно, сажали сначала въ подвалъ. Выдержавъ тамъ извѣстное время, достаточное для перехода его недвижимаго имущества въ полную собственность судейскаго персонала, его выпускали въ качествѣ свидѣтеля по собственному дѣлу и, передъ процессомъ, нѣкоторое время пытали. Если Ивашка оставался живъ, его оправдывали и снова сажали въ тюрьму; если онъ не выдерживалъ, его тоже оправдывали, а присужденную землю судьи брали себѣ.

Въ этомъ случаѣ Ивашка, по исторіи русскаго права, назывался повытчикомъ, отъ слова «вытъ».

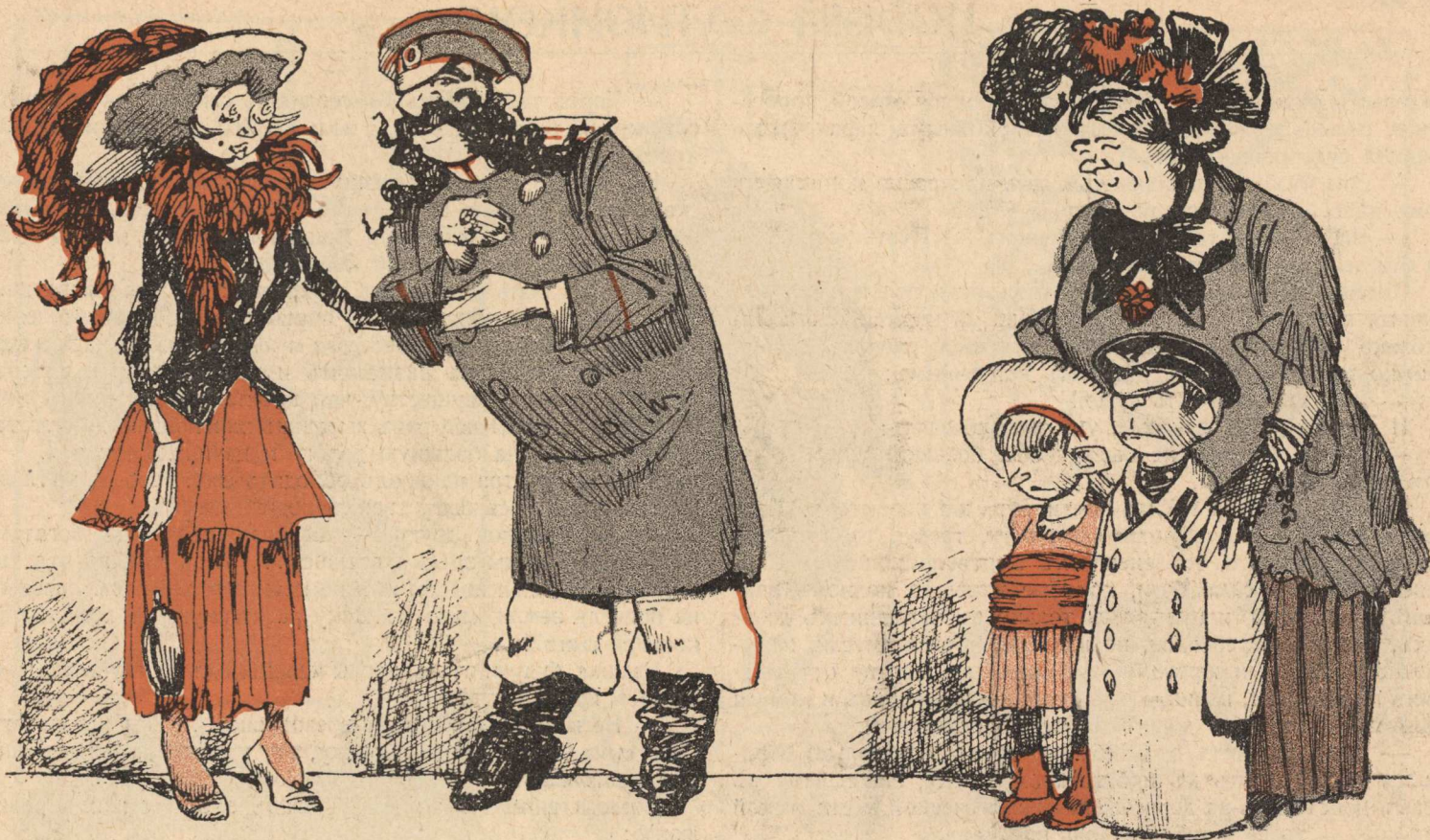
Въ эпоху Петровскихъ временъ взятки брали осторожнѣе и сразу перешли на деньги, хотя въ отсталой провинціи брали еще всѣмъ, что можно было довести, донести, проволоочъ или догнать до официальныхъ учреждений.

Въ то время всѣ помѣщики тягались. За что — этого никто не зналъ, но помѣщика, который бы не тягался съ другимъ изъ-за чего-нибудь, всѣ переставали уважать.

— Примѣтно, государь мой, — говорилъ тяжущемуся помѣщику чиновники въ платьяхъ нѣмецкаго покроя, — что достатокъ имѣете не малый.

— Имѣньишко худое, деньжишки мелкія, — начиналъ плакаться помѣщикъ. — Серебра только чайная ложка... Ее бы подарить кому-нибудь, да не знаю — кому...

Чиновники сейчасъ же придирались къ слову.

— Эхъ, черту осѣдлости хотять отмѣнить! Одна ты тогда у меня, мамзель, подспорьемъ семьи останешься.

— На сіе мудрецомъ однимъ франкскимъ сказано: «Сухая ложка ротъ дереть». Оную смазать надлежитъ.

* * *

... Самымъ тяжелымъ видомъ взятки, какъ я уже ска- залъ раньше, надо считать третій — безъ угрозъ и напоми- нанія, наиболѣе частый въ послѣдній періодъ русской жизни.

- Видите ли, я хотѣлъ бы, чтобы эта бумага...
- Не могу-съ.
- То-есть, даже не то, а чтобы...
- Не могу-съ.
- Я, собственно...
- Не могу-съ.

Оторопѣвшій человекъ, которому нужно получить бу- магу, во что бы то ни стало, растерянно оглядывается по сто- ронамъ, краснѣетъ и начинаетъ гибнуть на глазахъ у окру- жающихъ.

- Разрѣшите мнѣ только передать вамъ эту бумагу...
- Не могу-съ.
- У нея въ серединѣ копія. Зеленая.
- Не могу-съ.
- Синяя.
- Знаете ли, не могу-съ.
- Красная, чортъ возьми...
- Красная? Гм!.. А вамъ что, собственно, угодно?

* * *

Исторію взятки писать очень трудно. Немыслимо описы- вать состязаніе двухъ лошадей, когда обѣ только что пущены со старта. А взяткѣ до своего предѣльнаго пункта еще очень далеко. Мы только еще Ивашкины-внуки и только можемъ описывать взятки въ Россіи, какъ хроникеры текущихъ со- бытій. Быть можетъ, какой-нибудь Ивашкинъ-правнукъ на- пишетъ эту исторію не только сначала, но и до конца... У насъ, къ сожалѣнію, еще нѣтъ моральнаго права написать одно маленькое слово въ неизсякаемой исторіи взятки въ Россіи: конецъ.

Арк. Буховъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Графъ М. О. Меньшиковъ-Тевтонскій.

Кто говорить, что „озвѣрѣвшіе тевтоны“ неблагодарны?! Кто говорить, что нѣмцы забываютъ сдѣланное добро?!

Вотъ на-те, посмотрите, что пишетъ газета „Рѣчь“:

„Пресловутая статья Меньшикова, выяснявшая, что нѣмцы не- сокрушимы и что ихъ нынѣшнее движеніе создаетъ угрозу для Петро- града, произвела въ Берлинѣ сенсацію. „Berliner Tageblatt“, напр., съ торжествомъ цитируетъ мѣсто, которое говоритъ о преимуществахъ германскаго нашествія передъ наполеоновскимъ походомъ и доказы- ваетъ, что нѣмцамъ нѣтъ смысла двигаться на Москву, въ виду зна- ченія Петрограда. Статья произвела столь сильное впечатлѣніе, что нѣмцы возвели Меньшикова въ графское достоинство: телеграмма изъ Роттердама сообщаетъ: „Графъ Меньшиковъ въ „Нов. Вр.“ пи- шеть“...“

Если Меньшиковъ возведенъ въ графское достоинство за такой пустякъ, то во что же должны возвести нѣмцы В. Розанова, писавшаго, что онъ съ удовольствіемъ выдалъ бы дочь за нѣмца или женилъ сына на нѣмкѣ.

Большого сана заслуживаетъ В. Розановъ!...

Что кому нравится.

А, можетъ быть, вамъ, читатель, интересно, какія мысли высказывалъ графъ М. О. Меньшиковъ о взяткѣ въ то время, когда онъ еще не былъ графомъ? Извольте. (Ци- тируемъ буквально отрывки изъ „писемъ къ ближнимъ“):

Если въ громоздкую канцелярскую машину обывателю прихо- дится лить немножко масла, то что же вы съ этимъ подѣлаете?

И еще:

Въ большинствѣ случаевъ, мнѣ кажется, старинная канцеляр- ская взятка все-таки была тѣмъ, чѣмъ она осталась и теперь: доба- вочной наградой за ускоренный или виѣочередной трудъ. Развѣ нынче писаря въ канцеляріяхъ не получаютъ подобныхъ „благодар- ностей“? Получаютъ — и не только въ провинціи, но и въ централь- ныхъ учрежденіяхъ столицы. И всякій вамъ скажетъ, что такого рода взятка не такъ ужъ преступна.

Увы! Въ какомъ же неподходящемъ обществѣ прихо- дится вращаться бѣдному титулованному сотруднику „Нов. Времени“, если онъ утверждаетъ, что „всякій“ скажетъ объ отсутствіи состава преступления во взяточничествѣ.

Нѣтъ, графъ! Насъ 11 человекъ постоянныхъ сотрудни- ковъ „Нов. Сатирикона“ и мы всѣ одиннадцать человекъ истинно говоримъ вамъ: всякая взятка преступна, и если Россіи приходится переносить испытанія, то только потому, что (выражаясь вашими же словами) „въ канцелярскую ма- шину слишкомъ много налили масла“.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

ХОЖДЕНИЕ РУССКАГО ГРАЖДАНИНА, ОХРАНЯЕМАГО ВЗЯТКОЙ, ПО МУКАМЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Если ты ею охраняемъ, о россиянинъ, то даже надпись надъ адскимъ входомъ: „Оставь надежду всякъ, сюда входящій“ мѣняется на: „Имѣй надежду всякъ, сюда входящій съ взяткой!“ — Помни это.

Рис. А. Радакова.

1) Церберы всевозможныхъ родовъ, какихъ только создала российская изобрѣтательность, превращаются въ крошечныхъ оводовъ при видѣ тебя, о взятка!

2) Ты ведешь избранника мимо скудоумныхъ людей, сидящихъ цѣлыми годами въ ожиданіи мѣсты и уже покрытыхъ паутиной забвенія.

3) Ты выводíš его изъ лѣса канцелярскихъ бумагъ, гдѣ заблудившіеся глупцы тщетно стараются что-нибудь понять и выбраться отсюда.

4) Съ тобой обыватель можетъ не бояться ни черта, — даже тебя, черта осѣдлости!

5) Ты несешь обывателя надъ болотомъ зловонныхъ помоекъ: хозяева, не окончивши курса садоводства, не знаютъ, какъ при помощи бумаги превратить ихъ въ благоуханные цвѣтники.

6) Черезъ страшныя адскія бездны проводишь ты его невредимымъ. Сама Кузькина мать улыбается ему, скорпионы и бичи российской умильно подмигиваютъ.

7) И ведешь ты его на свободу, гдѣ радостно свѣтитъ солнце недостигаемости, поютъ птицы, пьютъ чай съ малиновымъ вареньемъ и гдѣ течетъ жизнь тихая, безмятежная, безъ опасеній, дрожаній и воздыханій...

ДЕЛИКАТНЫЕ ЛЮДИ.

Очеркъ Арк. Аверченко.

Къ уряднику Лапову пришелъ по дѣлу бывшій студентъ Огрызко.

Урядникъ пилъ чай и читалъ «Вѣдомости», но, увидѣвъ студента, оторвался отъ того и другого.

«Вишь ты, студентъ пришелъ», подумалъ онъ.

О студентахъ у него было какое-то двойственное представление: съ одной стороны, студентъ учится какимъ-то загадочнымъ, страннымъ наукамъ, почему Лаповъ питалъ ко всѣмъ студентамъ тайное уваженіе. Съ другой стороны, студенты бунтовали, почему Лаповъ питалъ къ нимъ отвращеніе и тайный ужасъ.

Пришедшій студентъ, однако, не имѣлъ въ себѣ ничего страшнаго: его широкое бородатое лицо улыбалось, и сѣрые глаза съ ласковой плутоватостью поглядывали вокругъ.

— Здравствуйте, — сказалъ Лаповъ. — Чѣмъ могу служить?

— Я, видите ли, бывшій студентъ Огрызко.

— Такъ-съ.

— И меня, изволите видѣть, изъ этихъ палестинъ въ прошломъ мѣсяцѣ выслали.

— Такъ-съ.

— А я вотъ вернулся.

— Правильно.

— Понимаете: я, собственно говоря, не имѣлъ права вернуться, но такъ какъ у меня есть нѣкоторыя дѣла насчетъ отцовскаго домишка, то я и вернулся.

— Великолѣпно.

— Вы находите? — неувѣренно спросилъ Огрызко.

— Что жъ тутъ плохого! Сведу я сейчасъ васъ въ кордегардію, а завтра съ десятскимъ въ городъ, къ исправнику.

— За что же, помилуйте?

— Ну, какъ же... Посудите сами: вы не имѣли права возвращаться?

— Не имѣлъ.

— А вернулись.

— Вернулся.

— Вотъ, значитъ, я васъ снова арестовываю, посылаю къ исправнику, а тамъ — какъ онъ хочетъ. Ясно?

— Ясно. Только вѣдь мнѣ тутъ нужно нѣкоторыя дѣла закончить, а потомъ я самъ безъ посторонней помощи уѣхалъ бы.

— Да вѣдь это незаконно?

— Незаконно.

— Ну, вотъ видите.

Француза, австралийца или американца такая простая, ясная, какъ палецъ, логика урядника Лапова поколебала бы, но Огрызко не былъ ни французомъ, ни австралийцемъ.

Онъ задумчиво поглядѣлъ на урядника и спросилъ неопредѣленно:

— Куропатокъ любите?

— Я все люблю, — отвѣтилъ урядникъ Лаповъ такъ же неопредѣленно и, кромѣ того, сухо.

— Тутъ мой братишка, знаете, нѣсколько штукъ подстрѣлилъ, такъ я бы вамъ парочку, а? Жирныя куропатки.

— Не нужны мнѣ ваши куропатки, — со вздохомъ сказалъ Лаповъ. — Арестую я васъ сейчасъ и, значитъ, тово... въ кордегардію... А завтра...

— Поросятъ любите? — отрывисто спросилъ Огрызко.

На это урядникъ Лаповъ отвѣтилъ съ большимъ достоинствомъ:

— Не доросъ еще поросенокъ до того, чтобы я его любилъ.

— Молочный поросенокъ. Братишка подстрѣлилъ. Такой, знаете, дуся, что поцѣловать хочется.

Урядникъ отрицательно покачалъ головой. Сказалъ раздумчиво, адресуясь куда-то въ уголь:

— Арестую это, значитъ, я васъ завтра и тово... къ исправнику.

— Какъ вы смотрите на телячью ногу и боченокъ соленыхъ огурцовъ? — съ любопытствомъ спросилъ Огрызко. — Братишка, знаете, подстрѣлилъ, такъ я...

— Ну, что вы такое говорите! Завтра, собственно, я занятъ, а послѣзавтра придется отправить васъ къ исправнику, чтобы, какъ говорится, законъ исполнить въ соотвѣтствіи съ начертаніями.

Студентъ вздохнулъ, засунулъ руку въ карманъ, пошлепал тамъ какими-то невидимыми бумажками и, затянувшись предложенной хозяиномъ папирисой, сказалъ:

— Нѣкоторые вотъ тоже пѣвчую птицу обожаютъ. Канареекъ. Знаете, желтенькая такая.

— Тоже нашли птицу. Смотрѣть не на что.

— Не скажите. Если пара... Хрустятъ, знаете.

— Ну, тоже нашли хрустѣнье! Такъ я, значитъ, такъ, какъ сказалъ: три дня поживете, а потомъ садимся мы съ вами на подводу...

— Какіе три дня! Я и въ недѣлю не справлюсь...

— Не моя воля, сами понимаете.

— Я понимаю. Хорошо тутъ у васъ на лонѣ природы. Зелени масса. Зеленъ любите?

— То-есть? — прищурился Лаповъ.

— Я говорю: красивая вещь — зелень. Особливо ежели хруститъ.

— Что вы все — хруститъ да хруститъ. Не люблю я зелени вашей. Что въ ней! Одно легкомысліе.

— Да вѣдь я тихо, смирно устрою свои дѣлишки съ домишкомъ, да и тово... Не подведу!

— При чемъ тутъ подведеніе. Слава Богу, не маленькіе мы съ вами.

— Когда зелень, то дышится хорошо. Ей Богу.

— Кому какъ, господинъ Огрызко. Четыре дня я, конечно, могу и не знать, что вы пріѣхали, но на пятый...

— Какъ можно не любить природы! — лирически прошептала Огрызко. — Люди, которые не любятъ зелени, все-таки должны любить ясное синее небо, любить ту синеву, которая...

— Хруститъ? — иронически усмѣхнулся урядникъ Лаповъ.

— Бываетъ, что и хруститъ. Подумайте! Когда глазъ тонетъ въ этой безпредѣльной синевѣ...

— Ужъ вы скажете тоже, — безпредѣльная! Въ этакой-то чепухѣ да безпредѣльность... Эхъ, господинъ Огрызко!

— Что такое?

— Какъ говорится: въ шесть дней сотворите всѣ дѣла свои, въ седьмой же — повезу я васъ къ исправнику, да и...

Студентъ съ нетерпѣніемъ перебилъ:

— Удивительный вы человекъ, право. Я вижу, вы безъ исправника дышать не можете! Кому онъ нуженъ? Вамъ — нѣтъ! Мнѣ? Тѣмъ болѣе. Слушайте, господинъ Лаповъ: не въ исправникѣ истина, а въ природѣ. Въ сліяніи съ нею! Поняли? Скажемъ, синева яснаго неба оставляетъ васъ равнодушнымъ. Но Боже ты мой! Чье сердце не дрогнетъ при видѣ краснаго пылающаго заката, того заката, который разлился громадной полосой, охвативъ чуть не полнеба...

— Полнеба? — скептически усмѣхнулся урядникъ. — Гдѣ же это полнеба? Которыя? Я, конечно, не говорю... къ исправнику можно и не ѣздить: у него дѣла, — зачѣмъ же мы будемъ отнимать у него время, не правда ли?

— Золотыя слова!

— Ну, вотъ. Однако больше недѣли жить вамъ здѣсь никакъ нельзя. Вы только то сообразите...

Лаповъ былъ, очевидно, прижимистымъ человекомъ; но и Огрызко сдавалъ свои позиціи съ большимъ упорствомъ и борьбой.

— Ни-ни. Меньше, чѣмъ въ двѣ недѣли не управлюсь.

Лаповъ обиженно усмѣхнулся.

— Двѣ недѣли! А вы давеча о какихъ-то канарейкахъ говорили...

— Не понимаю я васъ, — возбужденно вскричалъ бывшій студентъ. — Ни птицъ вы не любите, ни зелени, ни неба, ни заката. Чтѣ же, чтѣ въ этомъ мірѣ привлекаетъ ваше сухое прозаическое сердце?

— Что? Вы дождикъ любите?

— И не подумаю его любить.

— Ну, вотъ и я тоже. Промокнешь до костей — что толку! Зато послѣ дождя, когда выглянетъ эт-то радуга, да заиграетъ эт-то она...

— Рѣдкая вещь радуга, — сухо сказалъ Огрызко. — Да и не къ сезону она. Нѣтъ, радуга это штука невозможная.

— Не признаете? А красивая вещь. Тутъ тебѣ и желтое, и красное, и синее, и зеленое, — все, чего хочешь. Подъ такой радугой и живетъ особенно. Хоть двѣ, хоть три недѣли живи — одно тебѣ удовольствіе.

Студентъ рѣшительно всталъ и сказалъ еще рѣшительнѣе:

— Нумизматикой интересуетесь?

— Не понимаю васъ.

— Старинныя деньги любите?

— А... что?

— Да есть у меня тутъ старинная бумажка. 25 рублей. Еще 1908 года. Вы подумайте, а! Рѣдкость. На любителя вещь. Одна только и есть. Больше ни за какія деньги нельзя достать.

— Серьезно?

— Честное слово!

— Ну, что ужъ съ вами дѣлать. Дома какъ нашли — всѣ въ полномъ здоровьѣ?

— Мать немного прихварываетъ, — сказала Огрызко, берясь за фуражку.

— Годы такіе. Кланяйтесь ей.

— Поклонюсь.

— Братишка здоровъ?

— Что ему сдѣлается.

— Положимъ. Долго думаете у насъ прожить?

— Да какъ съ дѣлами управлюсь.

— Охъ, эти дѣла, дѣла.

— И не говорите.

Огрызко, весело посвистывая, вышелъ отъ урядника, а урядникъ съ видомъ записного нумизмата сложилъ вчетверо двадцатипятирублевку и сунулъ ее въ громадный засаленный кошелекъ.

Аркадій Аверченко.

ГАЗЕТНАЯ ВЗЯТКА.

(Руководство для читателей.)

Три рубля.

...Предказанія m-me Эсмеральды Куць очень трогательны. Многіе ихъ очень одобряютъ. Въ приемной супруговъ Куць много народу, и скромная квартирка ихъ (Лиговка, 34) всегда полна интеллигенціей нашего города...

Десять рублей.

... На балу въ Дворянскомъ собраніи было много народа. Среди присутствующихъ отмѣтимъ: г-жа Ертынина (бывш. Хишкина), зеленый туалетъ, сиреневый тюль, кружева...

Двадцать рублей.

... Картины идутъ бойко... Очень понравилось публикѣ: «Глупышкинъ потерялъ ногу». Публика смѣялась, но зданіе кинематографа заставляетъ желать лучшаго. Нѣтъ противопожарныхъ выходовъ, и каждый, заплатившій даже незначительныя сорокъ копеекъ за второе мѣсто, рискуетъ сгорѣть заживо со своимъ любимымъ семействомъ. Таковъ кинематографъ «Лепестокъ».

По соглашенію.

Будучи голоднымъ и покушавъ ветчины изъ магазина Хипунина, что на Невскомъ, 273, мѣстный мѣщанинъ Дыкинъ почувствовалъ себя неудовлетворительно. Полицейскія власти нашли у него въ окорокъ стрихнинъ, о которомъ и составленъ протоколъ. Что смотрятъ отцы города?

Ужинъ.

Артистъ Ишаковъ-Табачный — положительно центръ театра; онъ каждый день принимаетъ сотни великосвѣтскихъ посѣтителей и восхищенную молодежь Колпина. Онъ увлекаетъ зрителя игрой. Артисту много биссировали.

Больше, чѣмъ ужинъ.

Голосъ у г-жи Дальной звучалъ диапазономъ. Это было сплошное сольфеджіо съ оттѣнками контрапункта. Ея пѣсенки дышатъ настоящей Гренадой ея родины Италіи. Пѣвица въ будущемъ сезонѣ такъ и дѣлаетъ: уѣзжаетъ въ Шотландію, гдѣ ее ждутъ въ Тунисѣ.

Сто рублей.

... Въ слѣдующей замѣткѣ я думаю коснуться небызвѣстнаго въ городѣ «профессора» N. N., который...

Триста рублей.

Въ личной бесѣдѣ владѣлецъ фирмы уполномочилъ меня заявить, что всѣ слухи о недоброкачественныхъ продуктахъ, яко бы изготовляемыхъ его фабрикой, представляютъ собою...

Свои люди — сочтемся.

Вчера дѣловой Петроградъ праздновалъ 32-лѣтній юбилей извѣстнаго коллекціонера марокъ З. П. Бимштейна на почвѣ его плодотворной дѣятельности въ обществѣ дѣтскаго пріюта мѣстечка...

Пятьсотъ рублей.

Съ Ново-Кукинскими весело. На биржѣ ихъ брали на расхватъ. Предполагаемъ, что и завтра...

Съ удовольствіемъ похлопочу о вашемъ дѣлѣ...

Какъ мы слышали, докладъ о рыбной торговлѣ на Амурѣ составленъ однимъ изъ бывшихъ администраторовъ, который...

Пять тысячъ.

... Именно по этому мѣсту и должна пройти та желѣзная дорога, которая...

Полтинникъ.

Среди футбольной команды Озерковъ замѣтно и выгодно выдѣляется гимназистъ одной изъ петроградскихъ гимназій (шестой, параллельный классъ) М. Ситковъ.

Арк. Б.

КАКЪ Я ПЛАТИЛЪ.

Я — художникъ. Когда я пріѣзжаю въ Парижъ (тамъ у меня великолѣпное ателье, и каждый годъ я провожу въ Парижѣ три-четыре мѣсяца), я съ перваго же дня дѣлаюсь центромъ вниманія репортеровъ, интервьюеровъ и фотографовъ.

Со мной «бесѣдуютъ» объ искусствѣ, политикѣ, о женскихъ модахъ, о литературѣ и т. д.

Потомъ эти «бесѣды» въ теченіе цѣлой недѣли не сходятъ со столбцовъ виднѣйшихъ газетъ столицы міра.

Меня снимаютъ въ различныхъ позахъ и видахъ.

Въ высшемъ парижскомъ обществѣ я свой человекъ. Въ моей мастерской перебивали почти всѣ нынѣ здравствующіе «бессмертные», всѣ видные государственные дѣятели.

Однажды сдѣлалъ честь своимъ посѣщеніемъ моей мастерской самъ президентъ Французской республики.

Въ Россіи... Впрочемъ, и на Россію жаловаться не могу.

Мой пріѣздъ всегда пріивѣтствуется газетами, а объ отъѣздѣ моемъ пишутъ съ огорченіемъ.

Когда я уѣзжаю, пишутъ:

«Нашъ извѣстный (иногда даже пишутъ: «знаменитый») художникъ Кіевскій (это мой псевдонимъ) снова уѣхалъ въ «свой» Парижъ». И добавляли съ огорченіемъ:

«Повидимому, климатъ нашей родины все еще вреденъ для нашихъ талантовъ... Горькій живетъ за границей. Амфи-театровъ живетъ за границей. Тургеневъ провелъ всю свою жизнь за границей. Нашему Кіевскому жизнь за границей тоже слаще, чѣмъ жизнь на родинѣ».

Зато о моемъ пріѣздѣ извѣщалось такъ:

«Въ гостяхъ хорошо, а дома еще лучше. Нашего извѣстнаго (или «знаменитаго») художника Кіевского снова потянуло «домой», на родину, въ Рассеюшку... Нашему сотруднику онъ сказалъ»...

Дальше печаталось, конечно, все то, чего я никакому «нашему сотруднику» говорить не могъ...

Приводилось мое мнѣніе о Парижѣ и Петроградѣ, о Лондонѣ и Москвѣ, о Гучковѣ, о кабинетѣ министровъ, о Думѣ и т. д.

На слѣдующій день послѣ моего пріѣзда швейцаръ подавалъ мнѣ цѣлую кучу писемъ...

Было много изящныхъ конвертовъ, пахнущихъ духами... Было много писемъ отъ незнакомокъ.

Признаюсь, я первымъ долгомъ брался за эти письма. Ни одна женщина въ мірѣ не умѣетъ такъ «волнующе» писать, какъ русская женщина.

Рис. К. Н.

— Ахъ, милая! Какъ клеветаютъ на графа, что онъ взятки любитъ брать натурой! Ничего подобнаго! — я у него четыре раза съ просьбой была, — и, знаете, даже не намекнулъ!

Но всегда почти чтение прерывали почтительные шаги горничной и нерѣшительный стукъ ея въ дверь.

— Что тамъ случилось, Маша?

Маша опускала глаза, стараясь не глядѣть на меня, и смущенно сообщала:

— Дворникъ пришелъ. Говорить, что въ участокъ просить...

— Хорошо, хорошо. Зовите его сюда.

Мнѣ сразу становилось холодно... Появлялось такое ощущение, точно меня окатили грязной вонючей водой...

Входилъ дворникъ и, глядя въ сторону, заявлялъ:

— Въ участокъ зовутъ... Говорятъ, документъ не въ порядкѣ.

Я робко замѣчалъ:

— Что же это они... Вѣдь раньше прописывали...

Дворникъ пожималъ плечами.

— Прописывали... А теперь говорятъ: «не можемъ»...

Пойти вамъ придется...

Приходилось идти.

Въ участкѣ всегда происходила такая сценка:

За барьеромъ нѣсколько злыхъ лицъ. Это начальствующіе.

У барьера толпа дворниковъ съ паспортными книжками. Нѣсколько городскихъ съ пойманными жуликами. Нѣсколько оборвышей съ распухшими отъ пьянства лицами.

Мое парижское пальто, мягкая шляпа и дорогая трость выдѣляютъ меня изъ сѣрой толпы дворниковъ и жуликовъ.

Передо мной разступаются. Я подхожу къ паспортисту, который поднимается при моемъ появленіи, и говорю ему:

— Вы меня вызывали. Я — Рубинштейнъ (это моя настоящая фамилія).

— Рубинштейнъ?

Лицо паспортиста становится непривѣтливомъ.

— Рубинштейнъ... Янкель Лейбовъ. Знаю.

И пренебрежительно бросаетъ:

— Подождите. Чего вы лѣзете впереди всѣхъ! Вызову, когда дойдетъ очередь.

Я отхожу къ дверямъ, гдѣ стоятъ пьяные оборвыши и пойманные жулики, и жду.

Когда всѣ дворники отправлены, раздается голосъ паспортиста:

— Янкель Лейбовъ Рубинштейнъ.

Подхожу. Паспортистъ перелистываетъ мою книжку и, не отрываясь отъ нея, спрашиваетъ:

— Изъ Парижа пріѣхали?

— Изъ Парижа.

— Такъ... Вы — маляръ?

— Маляръ.

Дѣйствительно, по паспорту я — маляръ. Это мое — право жительства...

Паспортистъ поднимаетъ на меня свои глаза и ехидно задаетъ вопросъ:

— Вы вотъ маляръ. По расчетной книжкѣ выходитъ, что получаете 25 рублей въ мѣсяцъ, а по Парижамъ разѣзжаете... Ясно, что своимъ ремесломъ не занимаетесь.

Я молча вынимаю изъ жилетнаго кармана приготовленную десятирублевку и незамѣтно сую ее въ руку паспортиста.

Послѣдній минуты двѣ молчитъ, потомъ заявляетъ:

— Да-съ... Все въ порядкѣ. Я васъ по ошибкѣ вызвалъ. Извините-съ.

Я снова возвращаюсь къ своимъ интервьюерамъ, фотографамъ, поклонникамъ и поклонницамъ...

Отъ автора.

Дальнѣйшее художникъ Кіевскій описываетъ въ формѣ дневника.

Вотъ его дневникъ.

...На-дняхъ мнѣ доложили:

— Пришли какіе-то люди. Васъ спрашиваютъ.

— Сколько ихъ?

— Двое ихъ пришло. Въ кухнѣ ждутъ. Должно быть, просители.

Велѣлъ ихъ впустить. Вошли два человѣка. Одинъ среднихъ лѣтъ; другой совсѣмъ еще молодой.

Съ удивленіемъ осматривали мою квартиру. Спросили:

— Вы тутъ живете?

— Я.

— Можеть быть, только комнату снимаете?

— Нѣтъ, всю квартиру занимаю. Вы кто такіе?

— Мы-то?

Оба ухмыльнулись.

— Мы — староста и помощникъ старосты малярнаго цеха...

Оба они развалились въ креслахъ. Староста сталъ допрашивать:

— Какъ же это такъ, чтобы маляръ такую квартиру занималъ?! Должно быть, торговлей занимаетесь. Еврею этого, какъ бы вамъ сказать, нельзя...

Даль двадцать пять старостѣ и десять помощнику...

...Дворникъ пронюхалъ, что можно получить, и сталъ шантажировать...

Плачу пять рублей въ мѣсяцъ дворнику.

Каждому изъ околоточныхъ плачу отдѣльно...

...Въ участокъ вызываютъ каждую недѣлю. Плачу.

Пишу портретъ жены пристава...

...Говорятъ, что въ Финляндіи есть какой-то пасторъ, не формалистъ. Въ одинъ часъ еврей становится христианиномъ.

Тяжело... Не хотѣлось бы такимъ путемъ... Евреи такъ гордятся мной...

...Высылаютъ. Слишкомъ я видный человѣкъ. Приставъ говоритъ, что можеть слетѣть изъ-за меня.

Поѣхать въ Финляндію?... Къ пастору... Кажется, придется... Тяжело, а придется...

Что же дѣлать?... Мучениковъ за вѣру теперь нѣтъ...

Поѣду.

Заплатилъ пастору тридцать марокъ. Какое странное совпаденіе!

Иуда Искаріотъ получилъ тридцать сребренниковъ.

Я тридцать сребренниковъ далъ въ придачу къ своей старой религіи.

Мы съ тобой квиты, финляндскій пасторъ!..

Тяжело! Очень тяжело!

...Мой новый паспортъ былъ встрѣченъ со злостью... Паспортистъ скрежеталъ зубами.

Околоточные хмурились.

Приставъ съ ехидной улыбкой сказалъ мнѣ:

— Вотъ вы и полноправный гражданинъ! А жаль! Я все думалъ, что мой портретъ напишете...

Всѣ смотрятъ на меня, какъ на человѣка, принесшаго имъ огромные убытки...

Доходъ у нихъ, дѣйствительно, уменьшился на много...

...Съ торжествомъ сообщилъ мнѣ сегодня дворникъ:

— Въ участокъ зовутъ.

— Меня?

— Васъ, васъ, баринъ!

— Не ошибка ли?

— Нѣтъ, баринъ, не ошибка... Законъ такой, говорятъ, вышелъ, что тѣ, которые въ Финляндіи, не годятся...

— Какъ не годятся?..

— Вотъ такъ и не годятся... Высылаютъ ихъ...

Въ участкѣ было много дворниковъ, хулигановъ, оборванцевъ.

Когда я подошелъ, паспортистъ сердито закричалъ:

— Куда прете? Подождите, вызовутъ, когда надо...

Когда всѣ ушли, я услышалъ:

— Янкель Лейбовъ Рубинштейнъ.

Я подошелъ.

— Вы — маляръ?

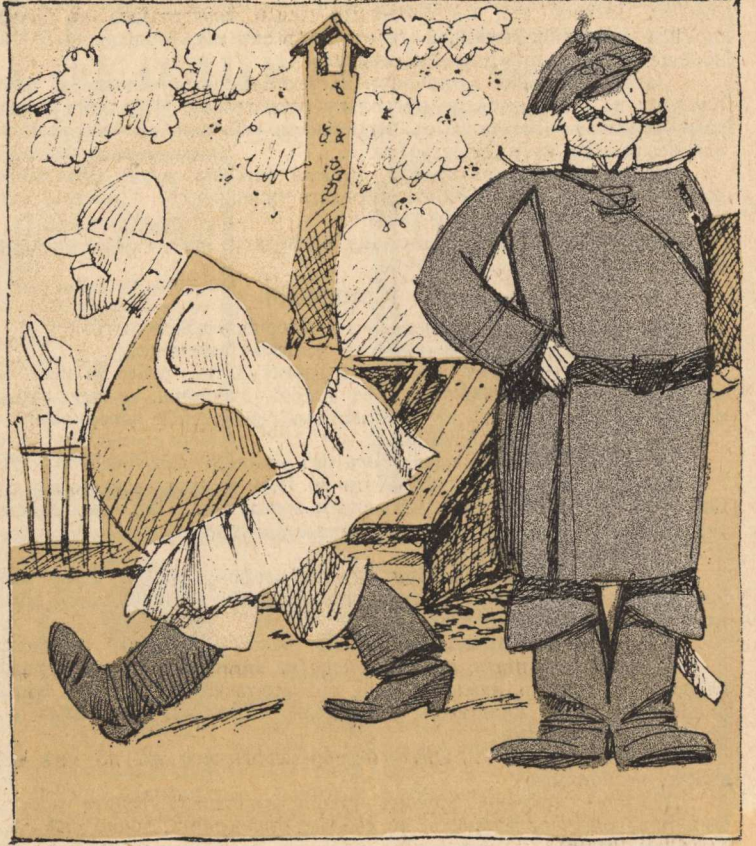
Я полѣзъ въ жилетный карманъ. Тамъ лежала приготовленная десятирублевка...

...Пишу портретъ пристава. Черезъ мѣсяцъ приступлю къ портрету его свояченицы...

О. Л. Д'Орѣ.

— Это что еще за безобразие?! Зловоніе? Міазмы? Сейчас же составлю протокол!...

— Сейчас же составлю протокол, или же немедленно дезинфицируйте! Есть дезинфекція?

Дезинфекція домашними средствами.

— Вот теперь — я понимаю! Чистый воздух и дышится такъ легко, легко...

ВЗЯТОЧНИКИ.

(Безхитростная наблюденія.)

1. Хорошій.

Ни о комъ, кажется, люди не говорятъ съ такимъ чувствомъ: „хорошій человекъ“, какъ о хорошемъ, т. е. добромъ взяточникѣ.

Про него говорятъ совершенно искренно:

— Чудный человекъ! Золотой человекъ! Прекрасный человекъ!

Когда изъ группы дающихъ взятку хорошему взяточнику — кто-нибудь возмущается, — его товарищи готовы буквально загрызть его, заплевать.

Такому возмущающемуся говорятъ:

— Вы не человекъ, а скотина. Вамъ не стоить дѣлать добра. Вамъ бы слѣдовало повозиться съ Ивановымъ (фамилія нехорошаго взяточника) — вотъ тогда вы бы научились цѣнить этого. Впрочемъ,

что съ вами разговаривать! Я бы на мѣстѣ Петрова (фамилія хорошаго взяточника) обращался бы съ вами по иному. Ну, и народъ пошелъ нынче! Никакой благодарности!

И, дѣйствительно, хорошій взяточникъ — кладъ. Хорошаго взяточника надо беречь!

Хорошій взяточникъ не требователенъ. Онъ простъ и милъ. Даже самому незначительному „клиенту“ подаетъ руку. Приглашаетъ присѣсть. Освѣдомляется о здоровьи супруги, дѣтишекъ. Желаетъ при прощаніи всего хорошаго. А, главное, не говоритъ лишннихъ словъ о порядкахъ и законности, не вытягиваетъ жилъ...

Если „клиентъ“ — еврей, онъ горюетъ о безправіи и многозначительно вздыхаетъ; если клиентъ лѣвыхъ убѣжденій, то онъ выска-

зывает мнѣ, что, въ сущности, самый желательный въ Россіи строй — социалистическій, и что въ душѣ онъ самъ социалистъ... Онъ вообще легкой и приятный собесѣдникъ...

Загѣмъ, хорошій взяточникъ въ условленное время всегда дома. Къ нему не приходится по нѣскольکو разъ ходить. Прислуга у него тоже хорошая. Телефонъ въ исправности. Собаки въ передней не набрасываются, какъ дикіе звѣри...

Взятку беретъ онъ просто. Можно дать въ руки. Можно положить на край стола. Можно передать въ конвертъ. Словомъ, какъ угодно!

Счастливь человекъ, которому приходится имѣть дѣло съ хорошимъ взяточникомъ!..

2. Нехорошій.

Но зато, Боже, какой ужасъ — нехорошій взяточникъ!

Онъ, конечно, прежде всего — ужасный законникъ!

Видъ у него, когда онъ беретъ взятку, такой, точно на него въ лѣсу напали разбойники, бьютъ по головѣ дубинами, а ему только и остается, что говорить съ выраженіемъ героической покорности:

— Ну, что жъ, добивайте...

Время для встрѣчъ назначаетъ онъ какое-то экзотическое. Отъ 7 и $\frac{3}{4}$ до 8 часовъ утра. Отъ 9-ти до 10-ти минутъ десятого вечера. Отъ 3-хъ до десяти минутъ четвертого пополудни. При чемъ застанъ его, несмотря на такую точность, все-таки трудно.

Его нужно „ловить“.

Съ дающими ему взятки онъ неимовѣрно грубъ. Руку онъ, правда, подаетъ, но подаетъ такъ, что клиентъ чувствуетъ, какъ кряхтитъ его собственное достоинство...

Говоритъ онъ отрывисто, дерзко, никогда не глядя въ глаза. Даже рано утромъ, встрѣчая, еще въ халатѣ и туфляхъ, перваго клиента и будучи съ нимъ наединѣ, онъ все-таки, по привычкѣ, ошпариваетъ его, какъ кипяткомъ, совершенно не касаящимися дѣла вопроса и возгласами:

— Что?! Опять?! Опять безобразіе! И чего вы ко мнѣ всѣ лѣзаете, не понимаю!

И, Боже сохрани, вручить такому взяточнику деньги просто. Онъ ихъ, конечно, возьметъ, но сначала отшвырнетъ, точно онъ обожгли ему пальцы, загѣмъ будетъ пожимать плечами, размахивать руками, ходить по кабинету, ругаться, кричать, какія всѣ кругомъ неблагодарныя свиньи и такъ далѣе.

Такому деньги даютъ, обыкновенно, по „строго-законному“ поводу, упомянувъ объ этомъ поводѣ неожиданно, въ концѣ строго-дѣлового разговора-просьбы:

— А, вотъ, кстати, Иванъ Ивановичъ, вамъ слѣдуетъ за марки 100 рублей...

И если дающій взятку хоть немного знаетъ душу взяточника и догадается дать не ровно сто рублей, а для большей „правдоподобности“, скажемъ, 107 рублей 13 копеекъ, то даже самый нехорошій взяточникъ въ этотъ моментъ станетъ хорошимъ...

3. Не-берущій.

Но все-таки нехорошій взяточникъ не такъ тяжелъ, какъ не-берущій взяточникъ, т. е. берущій въ непосредственно, а черезъ третье лицо.

Съ такимъ не-берущимъ — всегда мытарства!..

Не-берущій взяточникъ, конечно, не принимаетъ лично. Принимаетъ, обыкновенно, его камердинеръ, секретарь или „любовница“, какая-нибудь милая старѣющая дама, которая носить это званіе давно и больше по привычкѣ, чѣмъ по дѣйствительному положенію дѣла.

Берутъ они всѣ со смиренно-равнодушнымъ видомъ и съ торжественными обѣщаніями „повлѣять“ на кого слѣдуетъ. Но часто выходитъ такъ, что „вліяніе“ получается слабое, денегъ нѣтъ, видъ послѣ этого у „любовницы“ еще болѣе смиренный и равнодушный, у камердинера и секретаря таинственное выраженіе лицъ и они не говорятъ, а, озираясь, шепчутъ о какихъ-то новыхъ порядкахъ, о ревизіяхъ и т. д.

И взяточный опытъ съ такими взяточниками выработалъ особая, сурово-дѣловая и будничная отношенія, а именно: взятку имъ даютъ не всю сразу, а по частямъ, по мѣрѣ того, какъ подвигается дѣло, за которое взятка дается...

4. Обыкновенный.

Однако всего распространеннѣе взяточникъ обыкновенный.

Онъ ни хорошъ, ни плохъ, а также — не лукавъ, не капризенъ и не трусливъ. И въ этомъ его прелесть!

Онъ просто честно беретъ и честно заслуживаетъ то, что беретъ.

Онъ торгуется, условливается, открыто и честно отстаиваетъ свою выгоду, какъ дающій взятку — свою.

Съ нимъ, если это мелкій взяточникъ, говорятъ, приблизительно, такъ:

— Я могу вамъ давать въ мѣсяцъ 15 рублей. Больше ни копейки.

— Пятнадцать — мало, — отвѣчаетъ обыкновеннымъ, человѣческимъ тономъ обыкновенный взяточникъ. — Двадцать пять.

— Пятнадцать и — ни копейки больше. Если хотите, то — пожалуйте, а если не хотите, то я сегодня же могу выхвать изъ Петрограда... Мнѣ это не важно... Очень мнѣ нуженъ Петроградъ, подумаешь...

— Ну, хорошо. Тогда двадцать, — говоритъ, подумавъ, обыкновенный взяточникъ.

И сдѣлка, которая въ другомъ случаѣ окончила бы пренеприятнымъ скандаломъ, налаживается къ полному удовольствію обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ...

Вотъ какая прелесть — обыкновенный взяточникъ!

Онъ даже во многихъ случаяхъ лучше „хорошаго“, такъ какъ хорошій взяточникъ почти всегда лѣнивъ, равнодушенъ и халатенъ, а обыкновенный никогда ни въ чемъ не подведетъ, если, разумѣется, получаетъ аккуратно.

5. Циникъ.

Подводить и, часто, провокаторски подводить только взяточникъ-циникъ.

Это — язва на, въ общемъ, честной и приличной корпорации взяточниковъ...

Циникъ наглъ, нахаленъ, грязенъ, бессмысленно жаденъ. Это

про него говорятъ, что онъ готовъ брать съ живого и съ мертвого. Онъ беретъ и предаетъ. Беретъ и пакоститъ. Онъ можетъ, получивъ деньги, на другой день, не мигая глядя въ глаза, увѣрять, что не получилъ ни гроша. Онъ все можетъ...

Это настоящій „крючокъ“. Быть въ его лапахъ — большое несчастье... Но, къ счастью, онъ недолговѣченъ... Такой взяточникъ долго не служитъ. Его выкуриваютъ свои же товарищи-взяточники...

У всѣхъ авантюристовъ есть своеобразная честность. Имѣется она и у взяточниковъ...

И эта взяточная честность жестоко борется со взяточной нечестностью...

6. Деликатный.

Въ сущности, деликатность въ известной дозѣ отличаетъ почти каждого взяточника...

Но нѣкоторые изъ нихъ на этой деликатности специализируются. Одного нужно убѣдить, что, беря взятку, онъ совершаетъ доброе дѣло, такъ какъ оказываетъ человѣку услугу огромной цѣнности, въ сравненіи съ которой взятка — нуль.

Другому нужно доказать, что онъ соглашается взять взятку только изъ любви къ ближнему...

Такія доказательства на деликатнаго взяточника всегда оказываютъ дѣйствіе...

Третій деликатенъ настолько, что не можетъ принять взятки у мужчины, но женщинѣ онъ отказать не въ силахъ... И въ маленькихъ городкахъ и мѣстечкахъ посредниками между дающими взятки и такими деликатными взяточниками являются часто исключительно женщины.

Есть очень популярный видъ деликатныхъ взяточниковъ, которые великодушно отказываются отъ денегъ, но берутъ подарки.

Они же берутъ взятки „по протекціи“, изъ уваженія къ родителямъ дающаго взятку и съ неизмѣнными увѣреніями:

— Это — только для васъ...

И, наконецъ, съ этими же деликатными взяточниками продѣлываютъ тѣ сотни ухищреній, которые служатъ неисчерпаемымъ матеріаломъ для анекдотовъ.

Съ ними, какъ это извѣстно изъ анекдота, держать пари, что, моль, черезъ двѣ минуты пойдетъ дождь и, когда, конечно, черезъ двѣ минуты дождя и пари проиграно, — „выигравшій пари“ деликатный взяточникъ, не особенно громко торжествуя, деликатно прячетъ въ бумажникъ нѣсколько тысячъ...

И такъ далѣе, и такъ далѣе...

7. Чудовищный.

Это — самый страшный взяточникъ. Это взяточникъ-акула. Онъ беретъ не сотни, не тысячи и не десятки тысячъ...

Его аппетиты крупнѣе.

О чудовищномъ взяточникѣ не говорятъ. Его вѣшаютъ, но, къ сожалѣнію, очень рѣдко. Большое количество экземпляровъ его, обыкновенно, остается въ тѣни — и въ тѣни, во всякомъ случаѣ, теплой и приятной.

О немъ заговариваютъ тогда, когда кровь льется на рѣкой, а моремъ и когда такое же море слезъ заливаютъ изстрадавшуюся страну.

Но онъ и изъ этихъ двухъ морей ухитряется выходить сухимъ...

Онъ вообще мало поддается изслѣдованію, мало доступенъ и почти неуловимъ.

И ужъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ служить матеріаломъ для простыхъ, поверхностныхъ и безхитростныхъ наблюдений.

Ефимъ Зозуля.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Фуанте Овехуна. — г. Si-la. — В. О. 12 линия. А. М. Ч. Все присланное не подошло.

Сукачеву. — Трудно создать художественную образную фразу, но нѣкоторымъ это удается.

Сукачевъ пишетъ:

... Слезы такъ и забарабанили по его щекамъ“.

Чуткое ухо у автора, если онъ можетъ услышать такія вещи. Чуткое и длинное.

М. С. О. — М. С. О. завѣряетъ редакцію, что „поэзія для него самое близкое существо (?).“ А вотъ образцы этого близкаго существа:

Тянутся по небу облаки,

Какъ будто румяные яблоки.

Послѣ всего происшедшаго надѣмся, что между нами все кончено.

Ильи Зыбкину. — У Ильи Зыбкина болѣе чѣмъ рискованная надежда: „Надѣюсь, что вы отнесетесь ко мнѣ, какъ я того заслуживаю“.

Эхъ, Зыбкинъ, Зыбкинъ!.. Да отнесись мы къ вамъ такъ, какъ вы того заслуживаете — вы бы первый подали на насъ жалобу въ надлежащія судебныя учрежденія.

Б. Провинція.

Гунгенбургъ. — *Бандуристу.*

Червякъ ползеть ли по землѣ

Иль птица въ небесахъ,

Равно завидую я имъ,

Что не такой же самъ.

Зависть — нехорошее чувство. Работайте надъ собой, совершенствуйтесь, можете быть и достигнете того, чему завидуете.

Ялта. — *Россу.* — Хотя не подошло, но кое-какія положительныя черты въ рассказѣ есть. Не смущайтесь отказомъ.

Иркутскъ. — *Дону Израэлю.* — Конечно, вы правы: самое плохое стихотвореніе можетъ пережить его автора.

Но это — только въ томъ случаѣ, если авторъ немедленно же послѣ написанія стихотворенія вѣщается восторженными поклонниками на ближайшемъ деревѣ.

Ave.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ВЪ СЕНТЯБРѢ 1915 года въ ПЕТРОГРАДѢ (Ивановская, 14; тел. 483-38)

ОТКРЫВАЕТСЯ **ШКОЛА ПЛАСТИКИ** и сценической выразительности

Кл. Л. ИСАЧЕНКО-СОКОЛОВОЙ.

Предметы преподаванія: ПЛАСТИКА ЕСТЕСТВЕННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ (АНТИЧНАЯ), мимика, ритмическая гимнастика (сист. Жакъ Далькрозъ), сольфеджіо, хоровое пѣніе, декламация. Все предметы проходятся въ одномъ общемъ планѣ. Курсъ преподаванія 2—3 года, смотря по способности учащихся.

Принимаются лица обоего пола и дѣти съ 7-лѣтн. возраста.

ОСОБЫЙ ДѢТСКИЙ КЛАССЪ. Конк. испытанія 10 дѣтей 6—7 л. на безплатн. вакансіи.

Пріемныя испытанія отъ 1—15 сентября.

Треб. школы: нормальн. фигура, муз. слухъ и правильн. дикція (чтеніе отрывковъ прозы и стих.). Артисты и учен. старш. классовъ сущ. сцен. шк. отъ экзам. освобождены.

Программы и условия высылаются бесплатно. Съ требованіями обращаться: письменно и лично въ будни отъ 10—2 ч. дня въ канцелярію „Школы“ (Ивановская, 14); тамъ же можно видѣть образцы нужныхъ для занятій костюмовъ: хитона гимнастическаго и сандалій.

ПРОТИВЪ ГОНОРРЕИ
Новѣйшее средство „SALO-
ПИЧИЛИНЪ“
дѣйствуетъ быстро и считается
раціональнымъ средствомъ. Настав-
леніе при коробкѣ. Настоящій толь-
ко въ метал. коробкѣ по 1 р. и по
1 р. 80 к.
Одинаково хорошо дѣйствуетъ
въ острыхъ и хроническихъ слу-
чаяхъ и въ короткое время устра-
няетъ самыя упорныя истеченія.
ДЕЛО: Петроградъ, Разъѣзжая
ул. 7, аптека Б. Конгайма.
Продается во всѣхъ аптекахъ по
рецептамъ врачей. (27-ч. в.)
SALO-ПИЧИЛИНЪ

ВЪ СРЕДУ, 19 АВГУСТА, ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ
„ЖУРНАЛЬ-ЖУРНАЛОВЪ“
№ 18.

Содержаніе: И. Василевскій — *Шпіонъ Фрейнатъ въ литературѣ.* А. Ожиговъ — *Книга, о которой говорятъ.* Пессимистъ — *Каведра разбоя.* Иер. Ясинскій — *Воспоминанія.* О. Л. Д'Орь — *Изгнанники.* Мих. Левидовъ — *Современные беллетристы.* Евг. Вѣнскій — *Вокругъ золотого тельца.* Н. Кулинскій — *Игорь Сьверянинъ въ провинціи.* М. Пустынинъ — *Вермишель,* и мн. др.

Портреты, иллюстраціи, шаржи.

Редакторъ И. Василевскій (Не-Буква).

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп.

4-й Учебный годъ 1915—16.

Курсы ритмической гимнастики
Е. Жакъ Далькроза.

Директоръ кн. С. М. Волконскій.

Занятія отъ 15 сент. до 15 мая. Пріемъ до 15 окт. Принимаются лица обоего пола и дѣти школьн. и дошкольн. возраста. Преподается нормальный курсъ Далькроза (трехлѣтн.). Ритмич. гимн., сольфеджіо, импровизация и пластика. Допускается прохожд. отдѣльн. предм. Отдѣльн. дѣтскія группы. Ритм. гимн. и сольфеджіо. Въ маѣ состоялись экз. Окончившія получили свидѣт., которыми признаются способн. преподавать Ритм. гимн. Свидѣтельства эти выданы съ разрѣшенія Е. Жакъ Далькроза.

Помѣщ. курсовъ: Фонтанка, 32. Канцел.: Сергіевск., 7. кв. 5; отъ 10 до 3 ч. Тел. 119-76.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

НОВОСТЬ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

Владиміръ Воиновъ.

Солнечные рассказы.

Цѣна 1 р. 25 к.

А. Тэффи.

Ничего подобнаго.

Цѣна 1 р. 25 к.

А. Тэффи:

Дымъ безъ огня.

Цѣна 1 р. 25 к.

И стало такъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Аркадій Аверченко.

О хорошихъ въ сущности людяхъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Круги по водѣ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Сатириконтцы въ Европѣ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 1 р. 25 к.

Волчьи ямы.

Цѣна 1 р. 25 к.

Печатается и въ скоромъ времени
выйдетъ въ свѣтъ новая книга;

А. Буховъ.

Жуки на булавкахъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

НОВОСТЬ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

Исаидоръ Гуревичъ.

Сигнальные ракеты.

Цѣна 1 р. 25 к.

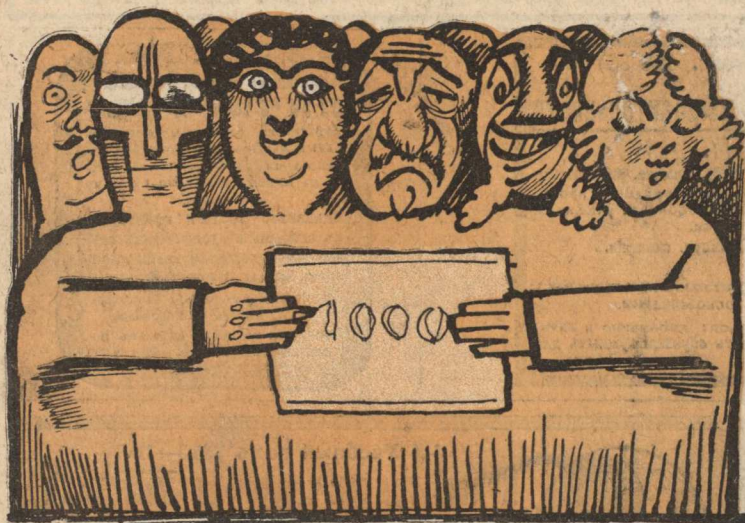
А. Тэффи.

Карусель.

Цѣна 1 р. 25 к.

ВЗЯТКА, КАКЪ ТАКОВАЯ.

Рис. А. Радакова.

Взятка вездѣсуша, принимаетъ всевозможные образы, проникаетъ всюду... Кто ея не бралъ, кто ея не давалъ?!

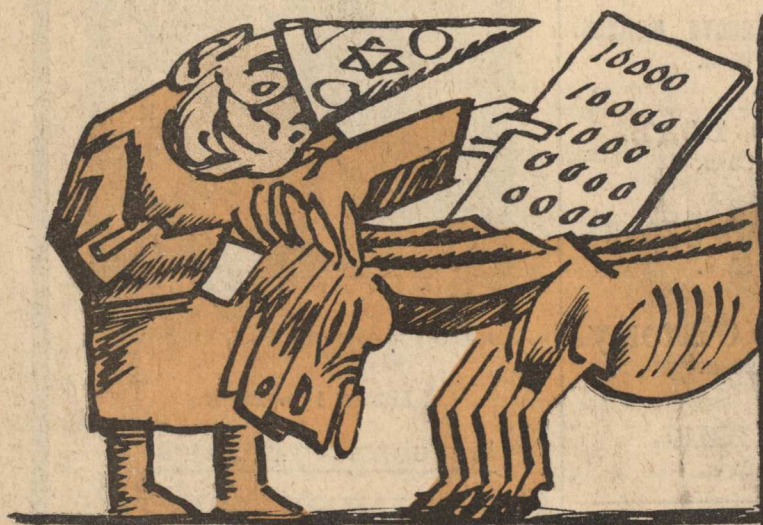
Она — химикъ: и часто превращаетъ песокъ въ порошокъ, воду въ вино и т. д., и т. д.

Она — прекрасный докторъ-диагностъ: иногда кажется челоуѣкъ Голиафомъ, а оказывается — онъ такъ слабъ, что ни на какую службу не способенъ по слабости.

Она — чудный спортсменъ: людей хилыхъ она старается, при помощи прогулокъ и гимнастическихъ приборовъ на ногахъ, превратить въ сильныхъ.

Она — великолѣпный ветеринаръ: она ухитряется, чтобы десятокъ тощихъ оловъ съѣлъ миллионы пудовъ сѣна и овса безъ всякаго вреда для ихъ здоровья!..

Она — большой художникъ: не желая портить красивой, живописной мѣстности мостами, желѣзными дорогами и тому подобной прозой, она все это рисуетъ только на бумагѣ, что очень способствуетъ развитію чертежнаго искусства.